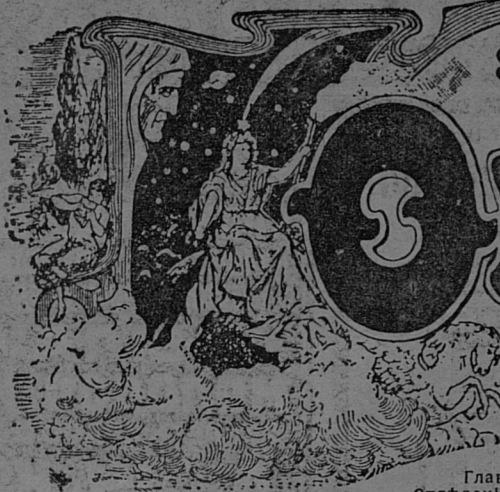

1914 № 1-26
3124

Отдельные номера в СПб. и провинции 5 коп., на станциях жел. дор. 7 коп.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журнал

ОГОНЕКЪ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА съ перес. в Россіи
На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяцъ . . . 25 коп.
Объявленія: за мѣсто, занимаемое строкою нонпарейла—1 р. 30 коп.; подъ текстомъ—2 р. 50 коп.; на 2-й страницѣ обложки—1 руб. 75 коп.; на 8-й и 4-й страниц. обложки—1 руб. 50 коп.

Главная Контора и Редація: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе Конторы: При Невской Конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“,
Невскій пр., 50 (уголъ Садовой).
ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ въ Москвѣ: Тверская ул., 37, тел. 235-10.

№ 1

Воскресенье, 5 (18) января 1914 г.

№ 1

На рубежѣ годовъ.

Гос
Публикац
Б-та
в
Питере

Оригинальный рисунок художника журнала «Огонекъ» С. В. ЖИВОТОВСКАГО.

Александр Ремизовъ

Отрокъ пустынный

отъ Старчества
разсказъ.

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.

(Законъ 20 марта 1911 г.)

Въ міру жить суетно, отъ мятежа мірскаго не отгребешься, отъ шатанія лукавнаго не удержишься — и тамъ нагрѣшишь, и тутъ нагрѣшишь, а потомъ изволь расплачиваться и въ семь вѣкѣ, и въ будущемъ. Нѣтъ, уйти отъ міра — «какъ хотите, такъ и живите, Богъ съ вами!» — и въ тишинѣ быть во спасеніи.

Два старца такъ и сдѣлали: Асафъ старецъ, да Меркурій старецъ. Въ послѣдній разъ по базару потолкались старцы, подвязали себѣ по котомочкѣ, запаслись сухариками, да съ Богомъ — въ пустыню.

тише будетъ Меркурія старца. Асафъ пришелъ въ чувство первый, выпустилъ изъ рукъ браду Меркуріеву, да къ образамъ поклоны яласть покаянныя. Ну, и Меркурій тутъ опаматовался и тоже за поклоны припался.

И покаялись старцы передъ Богомъ, помянувъ грѣхъ согрѣшенія своего, и отреклись отъ словъ своихъ праздныхъ и непотребныхъ, и другъ у друга прощенія просить стали, прослезились.

— Прости меня, старче Меркурій, не хотѣлъ я тебя обидѣть!

— Богъ проститъ, старче Асафе, меня прости за дерзновеніе мое!

И такъ хорошо и мирно стало, хоть опять за божественно берись, начинай бесѣду, да отрокъ Артемій — отрокъ Артемій, бывши со старцами въ хижицѣ, все сидѣлъ тихо, въ разговорѣ не встревался, и даже во время боя ни разу голоса не подалъ, а тутъ словно прорвало что, такъ со смѣху и покотился.

Взорвало старцевъ, какъ же такъ — дѣло Божье, каются, а онъ, знай, плотку деретъ! И бросили старцы каяться, взяли за отрока. И такъ его щупали, что тотъ не только что пересталъ смѣяться — куда ужъ! — но и советамъ притихъ, въ уголокъ забился.

Видятъ старцы, поучили, — усрамили мальчишка, да и жалко: вѣдь, какой онъ былъ утѣшный, и какъ стаетъ у березокъ, да ручки такъ сложить, не наглядись! Покликали его старцы ласково, приманили къ себѣ и стали разспрашивать, чего смѣялся безстыдно.

— Съ чего это давче на тебя такая дурь шапла? — вопросилъ отрока Асафъ старецъ.

— Я видѣние видѣлъ, — отвѣчалъ отрокъ, и со страхомъ разсказалъ старцамъ, какое онъ видѣние видѣлъ.

Когда старцы вели бесѣду о божественномъ — о законѣ Господни, о проповѣди апостольской и о подвигахъ отеческихъ, видѣлъ отрокъ двухъ ангеловъ, ангелы тайно на правое ухо нашептывали старцамъ; когда же старцы разговоръ повели о житейскомъ, ангелы оставили хижину, и вошли бѣсы, два бѣса, и одинъ бѣсъ одному старцу, другой бѣсъ другому старцу тайно на лѣвое ухо принимались свое нашептывать, сами шепчутъ, сами на хартияхъ старцевы разговоры записываютъ. А исписавъ харти, взяли бѣсы на себѣ писать, и не осталось и свободнаго мѣстечка на ихъ мясницѣ бѣсовскомъ — все сплошь съ рога до хвоста и съ хвоста до пальцевъ было у бѣсовъ исписано. Но тутъ старцы въ разумъ пришли, стали кзаться и

«Старцы отрока очень полюбили, и былъ онъ имъ въ утѣшеніе...»

О, пустыня моя прекрасная!

И въ пустынѣ поселились старцы каждый отдѣльно въ своей хижицѣ, и лишь въ недѣлю разъ посѣщали другъ друга, духовной ради бесѣды. А жилъ при старцѣ Асафѣ отрокъ: забрелъ отрокъ въ пустыню, старцу на глаза попался, старецъ его у себя и оставилъ жить при себѣ въ работѣ. И былъ отрокъ Артемій и тихъ, и кротокъ, и ясенъ, сложить такъ ручки и стоять у березокъ, и все словно улыбается, — старцы отрока очень полюбили, и былъ онъ имъ въ утѣшеніе.

Въ міру жить трудно, суетно, а въ пустынѣ пустынно: тамъ находить уныніе и печаль и тоска великая, тамъ свое есть строе горюшко. Безъ отрока старцамъ куда тамъ прожить, въ пустынѣ! Тихъ и кротокъ, и ясенъ, примется отрокъ за рукодѣлье, поетъ псалмы и такъ красно — жить весело.

О, пустыня моя прекрасная!

Какъ-то на недѣлѣ сошлись старцы въ хижицѣ Асафа старца вечерокъ провести и по обычаю начали разговоръ о божественномъ, разговорились, да и сами того не замѣчая, перешли къ дѣламъ житейскимъ, какъ въ міру жили, ударились въ воспоминанія и впади въ празднословіе и скотомысліе, слово за слово, поспорили — Асафъ старецъ Меркурія обличаетъ, Меркурій старецъ Асафа обличаетъ.

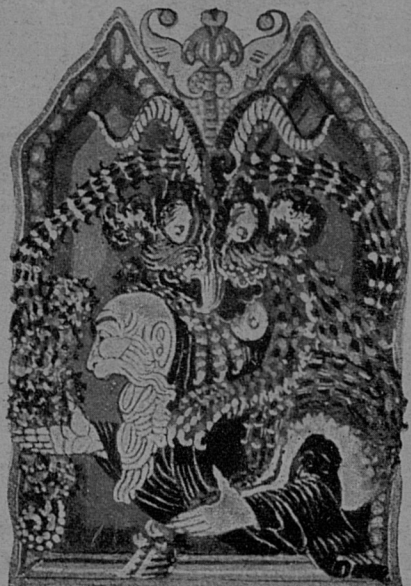

«Ты, Асафа, начальникъ блудничный, хля медвѣдя...»

— Ты, — говоритъ, — Асафа, начальникъ блудничный, хля медвѣдя!

— А ты, — говоритъ, — Мерка, запалитель содомскій, кис-лядь!

И пошло — зачесались руки, да, вскоча, другъ другу въ бороду старцы и вцѣпились. Долго-ли до грѣха, еще малость, — и разодрались бы до кровобоя, да Асафъ старецъ спохватился — Асафъ старецъ разумиченъ и по-

«А ты — запалитель содомскій, кис-лядь...»

отрекаться от словъ праздныхъ и побоя, и тогда загорѣлись у бѣсовъ харти и все записанное сгорѣло, а когда старцы другъ ко другу прощеніе сотворили, пошелъ пламень и бѣсовъ палить, слова, разговоры жечь на мясищѣ ихъ, и запрыгали бѣсы, заскакали и такъ уморительно скакали и такія рожи корчили, отрокъ и расхохотался.—вотъ отчего онъ расхохотался.

— Ой, чудно какъ плясали бѣсы! — сказалъ отрокъ Артемій, скончавъ видѣніе свое. зримое имъ зрящими глазами не во снѣ, но явѣ, и стоялъ, какъ стоялъ у березокъ, такъ сложивъ ручки, и словно улыбался, такъ тихъ, и кротокъ, и ясенъ, и былъ духъ Господень на немъ.

О, прекрасная моя пустыня!

«Отрокъ Артемій такъ со смѣху и покотился...»

«Пошелъ пламень и бѣсовъ палить, слова, разговоры жечь на мясищѣ ихъ...»

«Взорвало старцевъ, какъ же такъ—дѣло Божье, каются, а онъ, знай, глотку деретъ!..»

АВТОРЪ ПЬЕСЫ «ЦАРЬ ИУДЕЙСКІЙ», АВГУСТѢЙШІЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЬ «ИЗМАЙЛОВСКАГО ДОСУГА»,
Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ
въ формѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

Драма Августѣйшаго президента академіи наукъ, художественно и сильно рисующая, величайшій моментъ міровой исторіи, очень интересуетъ общественные круги. Въ Россіи пьеса ставится только въ Эрмитажномъ театрѣ Зимняго дворца и лишь сравнительно немногіе получаютъ возможность увидѣть ее. Въ виду усиленнаго интереса, проявляемаго къ пьесѣ театрами Западной Европы,—предполагается поѣздка за границу: въ Прагу, Парижъ,

Лондонъ, Вѣну, Мюнхенъ, Берлинъ. Драмѣ повезетъ режиссеръ Н. Н. Арбатовъ и завѣдующій спектаклями капитанъ П. В. Данильченко. Дѣйствія пьесы занимаютъ 4 часа. Антракты доведены до поразительнаго минимума. Между картинами 3-го дѣйствія проходитъ около 3-хъ минутъ; за этотъ короткій промежутокъ удается устранить сложную постановку, изображающую рядъ горъ, поля, холмы, вѣтвистыя маслины, каменные

скамьи, и замѣнить все это картиной великолѣпнаго пира у Пилата, съ изображеніемъ монументальнаго дворца, богато уставленныхъ яствами столовъ, драгоценной посуды и толпы въ 500 человекъ, съ танцовщицами балета. Эта картина стоитъ заготовленная за кулисами и вся она съ декорациями и людьми выкатывается на сцену на роликахъ. Разборъ декораций производятъ солдаты съ любовью истинныхъ акробатовъ.